Антошина Елена Васильевна

ЛЕКЦИИ О "ДОН КИХОТЕ" И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СЮЖЕТА РОМАНА В. В. НАБОКОВА "ЛОЛИТА"

Лекции по роману Сервантеса "Дон Кихот" В. Набоков писал одновременно с романом "Лолита". В. Набоков выделил в романе Сервантеса несколько уровней вымышленной реальности, которые можно обнаружить также и в "Лолите". Реальность сказочных иллюзий, которыми одержимы Дон Кихот и герои "Лолиты", отмечена смешением райского и демонического начал. Из реальности волшебной сказки герои переходят на следующий уровень вымысла, где открывают в себе способность к человечности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 24-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1.09
Филологические науки

Лекции по роману Сервантеса «Дон Кихот» В. Набоков писал одновременно с романом «Лолита». В. Набоков выделил в романе Сервантеса несколько уровней вымышленной реальности, которые можно обнаружить также и в «Лолите». Реальность сказочных иллюзий, которыми одержимы Дон Кихот и герои «Лолиты», отмечена смешением райского и демонического начал. Из реальности волшебной сказки герои переходят на следующий уровень вымысла, где открывают в себе способность к человечности.

Ключевые слова и фразы: сюжет; русская литература XX в.; модернизм; вымысел; волшебная сказка.

Антошина Елена Васильевна, к. филол. н.
Томский политехнический университет
arancia@mail.ru

ЛЕКЦИИ О «ДОН КИХОТЕ» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СЮЖЕТА РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»©

В весеннем семестре 1951 / 1952 учебного года В. В. Набоков прочитал в Гарвардском университете цикл лекций о романе Сервантеса «Дон Кихот». В этот период работа над романом «Лолита» была уже начата. В послесловии к американскому изданию 1958 г. «О книге, озаглавленной “Лолита”» автор указывает на прототип романа – рассказ «Волшебник», написанный в Париже в 1939 г. Однако рассказ «Волшебник» можно считать лишь источником фабулы романа. Сюжет «Лолиты» формировался на протяжении нескольких лет (с 1949 по 1954 гг.), поэтому можно предположить, что лекции о «Дон Кихоте» нашли свое отражение в романе. Задача данной статьи состоит в определении аспектов взаимных пересечений сюжета «Лолиты» и лекций о «Дон Кихоте».

В предисловии к «Лекциям о “Дон Кихоте”» Гай Дэвенпорт высказал предположение, что «бабушкой Лолиты» была Дульсинея Тобосская, а исповедь Гумберта можно рассматривать как бред безумца [2, с. 22]. Можно также отметить, что «Дон Кихот» – один из двух упомянутых романов, которые в детстве читал Гумберту его отец. Однако взаимосвязь лекций и романа оказывается еще более сложной. Жанровое своеобразие «Лолиты» основано на переплетении черт нескольких жанров, одним из которых является волшебная сказка. Связь сюжетов произведений В. В. Набокова с волшебной сказкой была замечена очень давно. Э. Хейбер в статье 1977 г. «“Подвиг” Набокова и волшебная сказка» ссылается на рецензию Ю. Сазоновой 1931 г. [4, с. 717]. Однако наиболее отчетливое определение романа как сказки было дано самим Набоковым в «Лекциях о “Дон Кихоте”»: «“Дон Кихот” – сказка, как “Холодный дом” и “Мертвые души”» [2, с. 27]. В этом же разделе лекций Набоков дает развернутое суждение о сказке, противопоставляя сказочное начало в искусстве вообще представлениям о «реальности» как системе «общих мест». Чудесное в сказке предстает как индивидуальное, неповторимое, подлинное событие. Сказочный сюжет в логике Набокова предполагает преобладание вымысла, что делает его не соотносимым с «реальностью». В послесловии «О книге, озаглавленной “Лолита”» Набоков говорит об условности, изображенной в романе Америки, в лекциях об условности Испании Сервантеса. В романе Набокова волшебная сказка является источником некоторых мотивов и сюжетных ходов. В другом смысле сказка становится языком, который автор использует с тем, чтобы посредством вымысла воздействовать на читателя, что, по его мнению, было также значимо для Сервантеса. В данном случае суггестивное начало сюжета выходит на первый план. Набоков формулирует цель лекций следующим образом: «Например, физическая или душевная боль, сны, безумие или такие вещи, как доброта, милосердие, справедливость – посмотрите на эти универсальные категории человеческого бытия, и вы согласитесь, что узнать, как мастера литературы претворяют их в искусство, стоящее дело» [Там же, с. 28].

Сказочное начало в «Лолите» появляется вместе с описанием Аннабеллы Ли. Встреча с ней навсегда меняет Гумберта, который становится одержимым призраком умершей девочки. Такой сюжетный ход мог бы принадлежать не столько волшебной сказке, сколько готическому роману, который, в свою очередь, генетически связан с рыцарскими романами [1, с. 44]. Любовь Гумберта к Аннабелле Ли может восприниматься как страсть к умершей с ее последующим «воскрешением» в Лолите, что приводит героя к совершению инцеста. «Промежуточным» сюжетом, объединяющим готические и сказочные мотивы можно считать сюжет незаконченной пьесы А. С. Пушкина «Русалка», для которой В. В. Набоков от имени Федора Годунова-Чердынцева написал финальную сцену. Аннабелла Ли предстает как русалочка в эпизоде, когда ее соединению с Гумбертом мешают внезапно появившиеся «двое бородатых купальщиков – морской дед и его братец» [3, с. 12]. Впоследствии в роли дочери «бедной ундины» – Шарлотты Гейз выступает Лолита. Нимфетка оказывается «маленькой нимфой», то есть русалочкой, которая, беседуя со своим отцом, очаровывает его и увлекает на дно (таков мотив финальной сцены «Русалки», написанной В. В. Набоковым).

Одержимость Гумберта вызвана не только любовью к умершей, что можно истолковать как «игру страстей», противоречащих природе. Герой ощущает самого себя частью завораживающей волшебной сказки,

© Антошина Е. В., 2015

что наиболее ярко проявляется в эпизоде первой ночи Гумберта и Лолиты, которую они провели в отеле «Привал зачарованных охотников». Герой вспомнил об этом отеле в магазине Паркингтона, где делал покупки для Лолиты. Магазин напоминал Гумберту подводное царство, а продавщицы – русалок, которые постепенно «околдовывали» его. Гумберт ощущал себя «сказочным принцем», «зачарованным охотником», обладателем приворотного зелья. Синие снотворные пилюли, «начиненные дурманом Спящей Красавицы», предназначены для того, чтобы заточить Лолиту в «темнице хрустального сна».

Одержимость Гумберта проявляется постепенно. В моменты просветления рассудка он видит в Лолите ребенка, однако в итоге его воля оказывается подавленной. На первый план выступает Гумберт – Синяя борода, Гумберт – оборотень или мясник, как он сам называет себя. Беседа с драматургом Куилти, сидящим на темной веранде гостиницы, напоминает беседу с тенью. Еще не знакомый Гумберту Куилти искушает его – подобно дьяволу – уехать из отеля втроем. Теряющий рассудок Гумберт оказывается во власти Мак Фатума, как он называет Куилти. Жестокая игра Куилти, преследующего Гумберта с тем, чтобы увезти Лолиту, напоминает злые шутки, на которые Набоков обращает особое внимание в «Дон Кихоте». «Душевная жестокость», «физическая грубость» и способность создавать мистификации и подпадать под действие собственных чар присущи Гумберту, в отличие от Дон Кихота, который, будучи зачарован иллюзией, страдает от грубости и жестокости других.

Своеобразие сказочного начала в «Лолите» заключается в том, что сказка в логике Набокова позволяет удержать весь спектр эмоций – от эйфории до ужаса. «Чудовищное и чудесное» сливаются воедино, позднее Гумберту не удается «отделить адское от райского в странном, страшном, безумном мире нимфолепсии» [Там же, с. 160]. Адский и райский варианты «реальности» сосуществуют в сказочном пространстве на равных правах. Однако сказка является для автора «Лолиты» и для главного героя промежуточным звеном, одним из уровней вымысла. Гумберту дано подняться не только над условными картинами «реальности» американской провинции и создать свой зачарованный мир волшебной и страшной сказки. Следующим шагом в развитии героя становится отказ от идеи искупления в вечности, спасения души. Протестант Гумберт, ищущий утешения у аббата-католика, продолжает считать, что нет доказательств тому, что его поведение в отношении Лолиты «не имеет ни цены, ни веса в разрезе вечности» [Там же, с. 342]. В конце своей исповеди (или мемуара), Гумберт приводит перечень воспоминаний, свидетельствующих о том, что он осознанно подавлял свои наблюдения о душевном состоянии Лолиты.

Любовь к Лолите рождается из запоздалого осознания вины перед ней. Гумберт не только констатирует это чувство вины, непоправимого ущерба, нанесенного Лолите. Парадоксальным образом в недрах чудесной и страшной сказки оказывается проход на следующий уровень вымысла, где Гумберт проявляет способность к человечности. Человечность, включающая также и сострадание, и мучительное осознание невозможности искупить или исправить зло, оказывается бóльшей ценностью, чем гипотетическое прощение, полученное в результате свершения высшего суда. Когда Гумберт говорит о своей любви к Лолите и невозможности избавить ее детство от «корки грязи», его интонации поразительно отличаются от шутовского тона его обращения к «крылатым господам присяжным заседателям», то есть ангелам Страшного суда. Человечность, проявленная в отношении Лолиты, распространяется также и на других персонажей. Так Гумберт обращается со словами сожаления и сочувствия к памяти Джоаны Фарло, Шарлотты Гейз, к своей последней жене Рите и другим героям.

Выход в пространство человечности открыт не только для Гумберта, но и для Лолиты. Героиня романа предстает во многих ипостасях в зависимости от того, какому варианту реальности принадлежит тот или иной эпизод. Подбрасывая красное яблоко, она становится царевной, готовой отведать отравленный плод и заснуть мертвым сном. Спящая красавица, воскресшая Аннабелла Ли, подросток, зачарованный рекламой, жестокая сообщница Куилти, юная одаренная актриса, жертва безумного Гумберта – Лолита играет множество ролей. С Гумбертом она совпадает только в принадлежности миру страшной сказки. В ее случае этот мир предстает тягостно мрачным в своей безысходности. Однако в то же время Лолита с самого начала путешествия в отеле «Привал зачарованных охотников» осознает присутствие Куилти, которого считает гением, способным играть судьбой.

Способность Лолиты проявить сострадание к Гумберту оказывается еще более поразительной, так как ни роль жертвы, ни роль сообщницы Мак Фатума не способствуют раскрытию ее человеческих качеств. Тем не менее, в сцене последней встречи Лолита и Гумберт оказываются на равных в своей человечности. В лекциях о «Дон Кихоте» Набоков последовательно выделяет смысловые уровни романа, связанные со сказкой (и образами рыцарских романов) и жестокими шутками и безумием, которым в равной степени охвачены Дон Кихот и персонажи, которые считают забавным смеяться над ним. Набоков отвергал взгляд на роман Сервантеса как на «доброе, человечное произведение», считая книгу жестокой, а также отказывался считать ее смешной. Дон Кихот как герой романа в представлении Набокова постепенно теряет связь с романом Сервантеса и, пройдя через иллюзии и безумие, выходит на следующий уровень вымысла, где главной темой является человечность: «Мы перестали над ним смеяться. Его герб милосердие, его знамя красота. Он выступает в защиту благородства, страдания, чистоты, бескорыстия и галантности» [2, с. 159].

Таким образом, влияние лекций о «Дон Кихоте» на сюжет романа «Лолита» проявляется, во-первых, в авторском понимании своеобразия волшебной сказки как чудесного события индивидуального характера. Чудо в данном случае носит амбивалентный характер и может принадлежать как «райскому», так и «демоническому» вариантам реальности. Во-вторых, описанная в лекциях трансформация героя Сервантеса из очарованного иллюзиями страшных и жестоких сказок безумца в символ человечности и милосердия обнаруживается в романе «Лолита» на примере судеб главных героев.

Список литературы

1. **Вацуро В. Э.** Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 544 с.
2. **Набоков В. В.** Лекции о «Дон Кихоте» / пер. с англ.; предисл. Ф. Бауэрса, Г. Дэвенпорта. М.: Независимая Газета, 2002. 328 с.
3. **Набоков В. В.** Лолита. Харьков: Фолио; М.: Изд-во АСТ, 1997. 431 с.
4. **Хэйбер Э.** «Подвиг» Набокова и волшебная сказка // Набоков В. В. Pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. Т. 2. С. 716-729.

LECTURES ON "DON QUIXOTE "AND THEIR INFLUENCE ON THE PLOT FORMATION OF THE NOVEL BY V. V. NABOKOV "LOLITA"

Antoshina Elena Vasil'evna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
arancia@mail.ru

V. Nabokov wrote the lectures on the novel by Cervantes "Don Quixote" simultaneously with the novel "Lolita". He identified in the novel by Cervantes several levels of fictional reality which can also be discovered in "Lolita". Reality of fabulous illusions by which Don Quixote and the personages of "Lolita" are possessed is marked by the mixture of paradisiacal and demonic elements. From the reality of a fairy tale the personages pass to the next level of fiction where they discover in themselves a potential for humanism.

Key words and phrases: plot; Russian literature of the XX century; modernism; fiction; fairy tale.

УДК 8 81; 81.01
Филологические науки

Статья посвящена проблеме описания древне и среднеанглийского специального словаря в формате микро и макротекста на примерах терминосистемы заимствованных номинаций типов судов (кораблей). Подчеркивается «национальная» – преимущественно латинско-французская принадлежность номинаций на фоне интенсивного пополнения английского морского словаря за счет скандинавских, но главным образом – норманнских заимствований.

Ключевые слова и фразы: сфера функционирования; сфера фиксации; микро и макролексическая презентация; семантический цикл; синхрония и диахрония; номинативная персонификация.

Балтачев Владимир Геннадьевич, к. филол. н., доцент
Ижевская государственная сельскохозяйственная академия
genizh@yandex.ru

МИКРО И МАКРОТЕКСТ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ©

Основным способом аккумулирования и системного размещения информации на любом этапе развития социально адаптированного и коммуникативно организованного общества был и остаётся текст и связанная с ним текстовая деятельность, которые в совокупности рассматриваются как *сфера функционирования*. Текст сферы функционирования в его наиболее общем понимании имеет своим противоположным вариантом текст *сферы фиксации*, то есть словари, а в них – текст воспроизводимых в их структурной организации лексических единиц самого разного (структурно и семантически) оформления. Не вызывает сомнений тот факт, что древнеанглийская (далее – др.а.) сфера функционирования исторически отдалённых от нас др.а. летописей, др.а. переводной литературы, которая представлена философско-дидактическими сочинениями, сведениями по физической географии и историческим событиям тех времен, тематически выдержанным изоглоссам, разножанровым деловым документам и пр., заключает в себе значительный (до нескольких десятков тысяч слов) и весьма пестрый др.а. словарь.

Продолжая далее развивать мысль о текстовом оформлении этимологии и семантики оперирующих единиц др.а. языка, мы исходим из положения о том, что сферу фиксации (словарь, глоссарий, индекс) также можно рассматривать как разновидность текста, поскольку в основе фиксированного и систематизированного в ней др.а. лексического материала лежит особым образом скомпонованный, индивидуализированный полексемно *микро* и *макро*текст. Оба текста несут определенную функциональную нагрузку: каждую номинированную лексическую единицу др.а. текста – др.а. вокабулу обычно сопровождает текстовая поддержка, нередко глосса или изоглосса в подстрочнике текста оригинала – памятника письменности др.а. периода, которая иллюстрирует и подтверждает данное значение, а также формулирует стоящее за этим значением понятие. Именно в формате микро и макротекста допускается возможность проведения исследования и фиксирования сущностных характеристик отдельных лексических единиц древних языков и, в частности, возможностей и результатов

© Балтачев В. Г., 2015